

Илья Веницкий

Эзопов миг. М. Л. Гаспаров и культурная биография советской интеллигенции (Филологическая басня)

The Aesopian Moment. M.L. Gasparov and the Cultural Biography of the Soviet Intelligentsia. A Philological Fable.

In one of his letters, written in 1992, Mikhail Gasparov mentions an article about the pitiful state of the Russian intelligentsia that he received from an American scholar. To Gasparov's (rather ironic) surprise, the author of this piece stated that the term 'period of stagnation' had been introduced by Gasparov himself in his essay on Horace, which allegorically portrayed the Roman Age of Augustus. In the present essay, I trace the origins of this intriguing legend (an essay and a sociological theory by the eminent Israeli-American Soviet-Jewish scholar of nationalism Liah Greenfeld) and expand on the role of Roman allusions in the political imagination of the Soviet 'thinking class' from the mid-1960s to the late 1980s.

Did Gasparov coin the term? Were his famous philological essays on Roman culture allegorical by design? How did they correlate with his views of Soviet society and its intellectual dissenters? I argue that in his series of articles and chapters about the age of Augustus, Gasparov considered historical 'Aesopian language' as a symptom of the deep moral and intellectual crisis of Roman intellectual society, which, like its Soviet counterpart in the twentieth century, 'thought little about new needs and conditions' and was used to promote political jokes, gossip, hints, and squabbles.

Прежний интеллигент-разночинец гордился тем, что вышел из мещанства или мелкого духовенства; интеллигент советского времени, наоборот, гордится, если он «потомственный интеллигент», как будто интеллигенция – это каста.

М. Л. Гаспаров. *Интеллигенция и интеллигентность: от этимологии к морали*

Когда смотрю я в зеркала,
То вижу, кажется, орла.
А. С. Пушкин. *Из вариантов*

Глаз историка

Много лет тому назад, в самом конце советского периода, я учился в педагогическом университете на филологическом факультете. На первом курсе “древнерусскую” историю у нас вел крупный специалист по эпохе Ивана Грозного, который имел репутацию смелого либерала, подмигивавшего (как меня предупредили старшие ребята) каждый раз публике, когда хотел намекнуть на современность. Так, когда он говорил, закрыв на мгновение правый глаз: “В 1453 году Константинополь пал”, – мы радостно переглядывались, угадывая актуальную политическую аллюзию. Сложнее было, когда профессор подмигивал, говоря что-нибудь вроде “дочь Ярослава Мудрого вышла замуж за французского короля в 1051 году”. Правда, и тут мы как-то находили подходящие к современной ситуации смыслы. Но однажды он подмигнул в середине совершенно нейтральной фразы на наречии “забавно”, и, чтобы понять скрытую аллюзию, я пошел на ту же самую лекцию профессора, только на другом потоке. И он подмигнул. Но не там. Он действительно был замечательным историком и либе-

ралом, но у него был небольшой нервный тик – “одушевляющий недостаток”, вводящий в заблуждение его готовых обманываться позднесоветских слушателей.

Похожие комические и серьезные истории о фантомной аллюзионности может вспомнить, как мне кажется, любой выходец из познесоветской эпохи. В общем и целом они представляют собой иллюстрации особого типа мышления и самовыражения российской интеллигенции, стремившейся, как мы стараемся показать дальше, вписать свою (вынужденную) страсть к политическим намекам и фигам в кармане в “высокую” культурную традицию.

Предлагаемая статья представляет собой попытку реконструкции культурной биографии советской интеллигенции через призму “эопова языка”, игравшего ключевую роль в самосознании представителей “мыслящего сословия” так называемой эпохи застоя. В центре моего внимания будут научные и публицистические статьи, письма и автобиографические заметки одного из крупнейших филологов-классиков XX века, в которых важную роль играл “вопрос об интеллигенции” как

культурной элите “закатного” периода империи.

Не случайно...

17 декабря 1992 года известный русский филолог и переводчик классической поэзии М. Л. Гаспаров пишет из Лос-Анджелеса письмо своей племяннице, философу и переводчику Наталии Автономовой: “Мне прислали оттиск американской статьи о положении в России – там было сказано, что термин ‘the period of stagnation’ пустил в ход филолог Гаспаров в статье о Горации. Не помню там этого, но допускаю, потому что больно уж прост термин” (Гаспаров 2008: 312–313).

В примечании к этому письму указано, что имеется в виду статья Лии Гринфельд (Liah Greenfeld) *Russian Nationalism as a Medium of Revolution*, опубликованная во втором номере 18-го тома журнала *Qualitative Sociology* 1995 года на стр. 189–209 (Гаспаров 2008: 314). Автор этой умной и до сих пор актуальной статьи, говоря о том, что советская интеллигенция склонна была воспринимать любой литературный жанр как политический комментарий к современности, приводила в при-

мер Гаспаровское описание Рима эпохи Горация как своего рода социально-политический анализ эпохи застоя в СССР:

Political commentary was as much as expected from literary critics or scholars, who served as mediators between creative writers and their audience and were considered the leaders of the intelligentsia. It is not coincidental that “the period of stagnation” was announced in an essay of a classical philologist, Mikhail Gasparov, which dealt with Horace’s poetry. The author was quite unaware of the impact the essay made and, when told of it, was surprised. One cannot help wondering, however, would his edition of Horace, published, as was the rule in Russia, in hundreds of thousands of copies, sell out within months of publication, if it were not for this misinterpretation? (Greenfeld 1995: 198–199)¹

---

¹ В оттиске статьи о национализме, датированном 1994 годом последнее слово дается в написании “(mis)interpretation”.

Сразу возникает вопрос: каким образом Гаспаров мог прочесть зимой 1992 года оттиск статьи, опубликованной только в 1995 году? И кто и зачем прислал классическому филологу и специалисту по русской поэзии американскую статью о положении в России? Использовал ли Гаспаров в статье о Горации (и какой именно?) термин “застой” и пустил ли он его в культурный оборот, объявив в такой завуалированной форме, как пишет Гринфельд, о начале нового периода в русской истории второй половины XX века? Наконец, как соотносятся (если соотносятся) работы ученого о древнеримской поэзии с его размышлениями о современном обществе?

Советская филологомания

Ответ на первый вопрос заключается в том, что Гаспаров, очевидно, прочитал не оттиск статьи для *Qualitative Sociology*, а другую работу того же автора – статью *Kitchen Debate: Russia’s anti-democratic intellectuals*, вышедшую в умеренно консервативном журнале *The New Republic* от 22 сентября 1992 года (Greenfeld 1992) (сокращенный журнальный вариант статьи Грин-

фельд *The End of the Russian Revolution*, представленной для *National Council for Soviet and East European Research* в октябре 1992 года и отпечатанный в том же месяце²).

Автор этой статьи – известный американский социолог русского происхождения Лия Владимировна Гринфельд (родилась в 1954 году во Владивостоке, эмигрировала в 1972 году в Израиль, с 1982 работала в США, в 1992 году была профессором кафедры социологии Гарвардского университета, в том же году опубликовала свою первую книгу о европейском и американском национализме *Nationalism: Five Roads to Modernity* [Harvard University Press, 1992]³). Профессор Гринфельд была лично знакома с Гаспаровым, беседовала с ним во время своей поездки в Москву, и именно она и прислала ему оттиск статьи, в которой упомянуто его имя⁴.

² См. Greenfeld 1992a.

³ Книга переведена на многие языки, в том числе и на русский (2008).

⁴ Электронное письмо Л. Гринфельд ко мне от 15 октября 2023 года. Там же профессор Гринфельд вспоминает, что историю о том, что термин “период застоя” ввел в оборот Гаспаров в статье о Горации, она слышала от сотрудницы Института этнографии АН СССР Наталии Дараган.

Как видно уже из названия, статья Гринфельд в *New Republic* представляет собой резкую критику советской интеллигенции, замкнувшейся в поздний советский период в элитарных “кухонных кружках”, участники которых вели бесконечные дискуссии о значении творчества, искусства и политики (Greenfeld 1992: 23). Эти замкнутые кружки представляли собой, в интерпретации исследовательницы, самодостаточный элитарный мир, в котором отчужденная от государства гуманитарная интеллигенция вела в целом сносное и даже приятное существование. Во время и после перестройки они распались, и интеллигенция оказалась выброшенной из той социальной утопии, в которой она отводила для себя столь важное место. Парадокс русского интеллектуального сообщества заключается, по мнению Гринфельд, в том, что в ходе демократических преобразований оно двигалось не вперед, а вспять, к российскому имперскому сознанию в двух его антитетичных, но тесно связанных (и равно снобистских) формах – славянофильства и западничества⁵. В итоге рус-

ская интеллигенция не сумела ни выработать новых идей, ни создать для себя новую идентичность, необходимую, по мысли автора, для демократического общества. Она быстро разочаровалась в капитализме и реформах, лишивших ее более или менее благополучного экономического положения и привилегированного положения, и вернулась к дореволюционному национализму, ставящему крест на демократическом будущем страны. Свои выводы исследовательница сделала на основе разговоров с московскими и петербургскими респондентами в июне и июле 1992 года (Greenfeld 1992a: 5).

В контексте этих рассуждений Гринфельд неожиданно обращается к центральной роли в истории российской интеллигенции позднесоветского времени одной давней статьи филолога-классика Гаспарова:

In Russia the intelligentsia always saw itself as an aristocracy. It enjoyed prestige incomparable to that of other groups – a prestige related to its contribution to Russia’s international standing. For Rus-

---

⁵ См. также связанную по теме статью Гринфельд *The Scythian Rome: Russia*,

---

ставшую впоследствии главой ее книги (Greenfeld 1993).

sia's greatness was understood, first and foremost, as the greatness of Russian culture, a reflection of the nation's moral superiority, in comparison to which political and economic failings appeared trivial. Literature, in particular, was invested with authority, and for that reason often doubled as social criticism. (*It's no surprise that the "period of stagnation" was announced in an essay by a classical philologist, Mikhail Gasparov, called "On Horace's Poetry."*) Yet Brezhnev's administration chose writers as its chief public enemy. Many remember the trial of Siniavski and Daniel in 1966 as the first – and highly symbolic – action of the new government. Famous writers (such as Solzhenitsyn) were driven into exile, from which they inveighed against communism. The great majority – many of them graduates of the prestigious Literary Institute and fully committed to the calling of Russia's spokesmen – were doomed to obscurity at home, condemned to a frustrating existence on the outskirts of literature

as copy editors and publishing assistants or as teachers of literature. (Greenfeld 1992: 22)⁶

Обращение к Гаспарову здесь связано с общим представлением исследовательницы об интеллектуальной “кухне” позднесоветской гуманитарной интеллигенции, для которой художественная литература, как и в XIX и первой половине XX века, все еще находится в центре общественного внимания, но главными по-

---

⁶ Ср. полный вариант этого фрагмента в статье, напечатанной в *National Council for Soviet and East European Research*: “The trial of Siniavskii and Daniel in 1966 and the invasion into Czechoslovakia in 1968 might have been a sign for some that the hopes were not to be fulfilled and signaled the beginning of alienation, but for most this was not clearly perceptible until the middle of the new decade. What is now called “the period of stagnation” was announced in an essay of a classical philologist, Gasparov, “On Horace's Poetry” (a sign of the centrality of literature in Russian society, which makes its philologists its best and most interesting sociologists and political scientists). Gasparov's essay discussed the death of the Republic, and invited one to draw parallels between the ancient tragedy and one's own life. The basis of the Augustan stagnation in the Soviet society was economic, rather than political. The liberal policies which led to the spurt of the Khrushchev and early Brezhnev years had negative implications”. Цит. по: Greenfeld 1992a: 7.

средниками между авторами и читателями теперь оказываются не литературные (журнальные) критики, а академические эксперты-филологи. При этом некоторые наиболее авторитетные ученые предстают в роли своеобразных интерпретаторов-проповедников, эффективнее других формулирующих под флером научного исследования идеологическую и моральную повестку интеллигенции. Гаспаров занимает особое место среди таких профессиональных ученых-медиаменов, а среди его работ по древнеримской культуре выделяется вступительная статья о поэзии Горация, представляющая “пророческий” социально-политический анализ Рима эпохи Августа, вышедшая в том же переводе поэта, раскупленного в “сотнях тысяч экземпляров”. (Сложно согласиться с исследовательницей в том, что популярность этой статьи и других работ Гаспарова связывалась с их политической аллюзионностью – скорее, они открывали для советских читателей, тосковавших по мировой культуре, совершенно новый классический мир, населенный знаменитыми, малоизвестными и совершенно неизвестными авторами и историческими лицами; по край-

ней мере, именно таким откровением была для меня эта книга, купленная в 80-е годы у одного покидавшего страну советского интеллигента).

Иначе говоря, пример филолога-классика Гаспарова подчеркивает в концепции Гринфельд принципиальную филологоцентричность позднесоветской интеллигентской культуры, видевшей свои отражения в научных описаниях минувших эпох – и, между прочим, истории Древнего Рима. В этом контексте Гаспаров легко оказывается объектом поклонения, а его статья о Горации – внимательного и едва ли не сакрального по своему характеру вчитывания и впитывания. Известно, что схожие – хотя и со своей ролевой спецификой – “сакральные репутации” в этот период приобрели некоторые другие филологи (в широком смысле этого слова) – от Алексея Лосева, Михаила Бахтина и Дмитрия Лихачева до Юрия Лотмана и Сергея Аверинцева⁷. Добавлю, что апогеем и

---

⁷ Вопрос о “сакрализации научных авторитетов в позднесоветской культуре” (С. Зенкин) рассматривается в статье Алексея Береловича *О культуре личности и его последствиях. (Заметки о позднесоветском интеллектуальном сообществе)*. По мнению исследователя, “самая главная

своего рода смотром этой филологоцентричной традиции стали перестроечные лекционные курсы властителей наших дум в МГУ (в каком-то смысле, аналог стадионной поэзии периода оттепели).

Золотой век

Концепция Гринфельд интересна и в целом, как мы полагаем, верна, но проблема заключается в том, что в известной статье Гаспарова *Поэзия Горация*, написанной в качестве предисловия к переводам од, эподов, сатир и посланий римского поэта, вышедших в серии “Литературные памятники” в 1970 году, слово “застой” вообще не упоминается (Гаспаров 1970: 5–38). Более того, Рим описывается ученым в этой статье как цивилиза-

---

функция (и миссия, если угодно) этих культовых личностей” “заключалась в том, что они были своего рода сгустком традиции, в них концентрировалась сама возможность передать наследие. Мыслитель (или, если конкретизировать, филолог-герменевт) воспринимался прежде всего как хранитель традиции и тот, кто традицию передает, а вовсе не как изобретатель новых форм, новых идей, парадигм, чего хотите нового” (в отличие от “параллельного” процесса деификации интеллектуалов-революционеров на Западе в 1950–60-е годы) (Берелович 2005: 39–44).

ция, достигшая своего расцвета, спокойная и удобная для жизни и далекая от упадка.

Начинает Гаспаров с противопоставления Римской империи городским республикам “величиной с какой-нибудь район Московской области” (эту деталь читатели действительно могли интерпретировать как подмигивающий жест) и пишет, что “в новых великих державах человеку жилось богаче, сытней и уютней” (Гаспаров 1970: 30). Кровавые гражданские войны Рима остались позади. В огромной стране установился мир и порядок. Возросла социальная мобильность населения, и провинциалы допущены к управлению державой. В то же время достигнутое жителем империи материальное благополучие оказывается купленным “ценой душевных тревог, неведомых жителю полиса” (Гаспаров 1970: 30). Житель империи сам не заметил, как из гражданина превратился в подданного. Его политическая жизнь теперь определяется “не его волей, а неведомыми замыслами монарха и его советников”, а хозяйственное благосостояние регулируется “таинственными колебаниями мировой экономики” (Гаспаров 1970: 31) (еще одно подмигивание, на этот раз из обла-

сти современной экономической теории⁸).

В результате человек империи, по Гаспарову, почувствовал себя “одиноким и потерянным” в “бесконечно раскинувшемся мире, где больше ни на что нельзя было положиться”, и затосковал “по былым временам полисного быта, когда жизнь была беднее и скуднее, но зато понятнее и проще” (Гаспаров 1970: 31). Гораций, в интерпретации Гаспарова, оказывается выразителем этого нового сознания человека времен расцвета огромной державы, воспринятого поэтом как “возрождение римского величия”, “восстановление древней здоровой простоты и нравственности в самом римском обществе, а затем – восстановление могущества римского оружия, по-

---

⁸ Выражение “колебания мировой экономики” использовал еще Лев Троцкий в 1924 году (“конъюнктурные колебания мировой экономики неизбежны”) (Троцкий 1924: 531). В 1960-е годы оно активно использовалось советскими экономистами и публицистами по отношению к международному положению СССР и стран социалистического содружества: “Эта работа [...] позволила братским странам составить программу развития своей экономики на сравнительно продолжительное время, оградить последнюю от возможных экономических на сравнительно продолжительное время” (ПХ 1967: 24).

сле стольких междуусобиц вновь двинутого для распространения римской славы до краев света”. Огромный мир уже “не пугает поэта, если до самых пределов он покорен римскому порядку” (Гаспаров 1970: 35).

Гаспаров подчеркивает, что мироощущение Горация было родственно официальной идеологической пропаганде августовской эпохи. Но это не значит, что он льстил властелину, ведь, как и для других поэтов-современников, выросших в эпоху гражданских войн, идеи нарождающейся империи были не навязаны ему, а выстраданы им. Как и другие поэты, он воспевал “монархические идеалы с республиканской искренностью и страстностью” (Гаспаров 1970: 36), хотя постепенно втягивался в орбиту двора и шаг за шагом терял творческую свободу и прибавлял не только в политическом, но и в физическом весе⁹.

---

⁹ “Слава Горация гремела. Когда он приезжал из своего сабинского поместья в шумный, немилый Рим, на улицах показывали пальцами на этого невысокого, толстенького, седого, подслеповатого и вспльчивого человека. Но Гораций все более чувствовал себя одиноким” (Гаспаров 1970: 37).

Еще раз подчеркнем, что у остранинно ироничного Гаспарова в этой исторической картине нет и намека на трагичность перехода от хаотичной и опасной демократической республики к спокойной и циничной империи. Его римский интеллигент вполне доволен произошедшими переменами. Он думает, ест, пьет, пишет, шутит и путешествует, хотя порою и грустит и тоскует в рамках дозволенного. Такое описание сытой, спокойной и творчески продуктивной культуры, на некоторое время соединившей интересы общества и власти, гораздо больше напоминает “золотой век” Александра I и Пушкина или “советский ренессанс” середины 1920-х годов, нежели период застоя в перестроечном понимании этого слова.

Более того, *при желании* описание “века Августа” могло прочитываться некоторыми советскими читателями как завуалированное объяснение (или даже апология) советского общества 1960-х годов. Сравните с гаспаровской картиной характеристику “общей атмосферы” расцвета советского социализма в статье социолога Олега Яницкого:

После четырех лет страшной войны и еще десяти, потребовавшихся на залечивание ее ран, страна наконец начала строиться, ее граждане – обустроиваться. Заводы работали, массовое жилищное строительство шло полным ходом, квалифицированных рабочих рук не хватало, о безработице и не слышали, молодежь училась, престиж образования и науки был чрезвычайно высок, на пенсию можно было жить и лечиться. Возможно, что каждый при этом «просвечивался» органами, но люди продолжали работать и учиться, отдыхать, воспитывать детей, строить планы на будущее. Критическая масса образованных и любящих свое дело людей нарастала. Это были годы зрелости тех, кто выжил на войне, – их настрой на созидательный мирный труд был очень высок. (Яницкий 2007: 36)¹⁰

¹⁰ О “золотом веке” 1970-х годов и “динамическом застое” см. статьи в специальном выпуске журнала *Неприкосновенный запас* (2, 2007), в особенности: Кустарев 2007, Шубин 2007.

В то же время *при желании и задним числом* Рим эпохи Августа в блестящем описании Гаспарова действительно мог восприниматься оппозиционной гуманитарной интеллигенцией как пародия на “период развитого социализма”, провозглашенного Л. И. Брежневым в 1967 году. Иначе говоря, разные группы позднесоветской интеллигенции, настроенной на аллюзионную волну, могли видеть здесь культурный анализ, апологию или сатиру. Текст Гаспарова в принципе не исключает ни одну из этих интерпретаций. Критически-аллюзионное отношение филолога к этому периоду проявится позже, в статье об Овидии в изгнании 1978 года (Гаспаров 1978), в доцензурной версии которой политический “режим Августа” объявлен, со ссылкой на учителя Гаспарова С. Л. Утченко, *первым в истории* режимом, основанным на государственном лицемерии (Утченко 1965: 267)¹¹.

---

¹¹ В более позднем постскриптуме к *Овидию в изгнании* Гаспаров сообщает, что процитированные им в статье 1978 года слова Утченко о том, что империя Августа – “первый в истории пример режима, основанного на политическом лицемерии”, были вычеркнуты цензором, “хотя в 1960-е

Но еще раз повторим, что в самой *Поэзии Горация*, которую Гринфельд считала завуалированным социальным и политологическим анализом советского общества периода стагнации, самого слова “застой” нет.

Жанр застоя

Это слово как характеристику надвигающегося кризиса империи Гаспаров впервые использовал в статье, посвященной другому, гораздо более раннему, античному автору и восприятию связанного с его именем жанра в поздний период истории Древнего Рима. Речь идет о статье, опубликованной в литпамятниковском издании *Басен Эзопа* 1968 года (перевод, статья и комментарии М. Л. Гаспарова), на обложке которого был помещен замечательный “портрет” Эзопа, разговаривающего с лисцей, нарисованный на греческом сосуде для питья, изготовленном в V в. до н. э. в Афинах (не могу отделаться от

годы они дважды были напечатаны в книгах самого Утченко”: “Как вы думаете, какое слово их смутило?” – спросил меня коллега по *Вестнику*. Лицемерие” – предположил я. “Нет: ‘первый в истории’” (Гаспаров 2006: 77).

антиисторического ощущения, что этот образ чем-то напоминает типичного русского интеллигента со смеющимся взглядом и фараоновской бородкой – почему-то думаю о довлатовском шарже на писателя и интерпретатора “эзопова языка” в культуре 1960-х годов Александра Гениса¹², – но это явно в сторону).

¹² “В 60-е поэтика эзопова языка создала свой метамир. Намеки теряют связь с тем, на что намекают. Эзопов язык постепенно отчуждается от породившей его эмпирической реальности. Если заменить эзоповы термины теми понятиями, которые они подразумевают, то обнаружится, что [...]” (Вайль *et al.* 1997: 166).

Источник: <https://novayagazeta.ru/amp/articles/2016/09/02/69739-bez-dovlatova>

В этой работе, продолжившей более ранние исследования Гаспарова об античной басне, легендарный образ Эзопа, связанный “в памяти масс” с “первыми схватками демоса в борьбе народа против знати”, противопоставляется его басням, потерявшим свой “боевой пафос” (Гаспаров 1966: 252). С развитием греческой цивилизации последний потускнел, “иносказательность полемической аргументации стала ненужной”, и, хотя басню по-прежнему любят, “она воспринимается уже как средство развлечения толпы, не достойное серьезного оратора”

(Гаспаров 1966: 253). Гаспаров приводит характерный анекдот (№ 63 в эзоповском сборнике) о самом остроумном из ораторов IV в. Демаде. Однажды он произнес речь в народном собрании, но его не слушали:

Тогда он стал рассказывать: “Деметра, ласточка и угорь путешествовали вместе; подошли они к реке, и ласточка взлетела в воздух, а угорь нырнул в воду”. Здесь он остановился; его стали спрашивать: “А Деметра?” – “А Деметра на вас сердится, – ответил Демада, – за то, что вы о государственных делах не думаете, а забавляетесь эзоповыми баснями”. (Гаспаров 1966: 253)

На рубеже классической и эллинистической эпох жанр спускается из “высокой” литературы для взрослых граждан “в литературу учебную”, откуда и переходит в римскую культуру, сохранив свою “мелкособственническую идеологию”, сводимую Гаспаровым к четырем принципам: “практицизм, индивидуализм, скептицизм, пессимизм” (Гаспаров 1966: 260). Составление дошедшего до нас основного

эзоповского сборника, продолжает Гаспаров, неслучайно относится к I–II вв. н. э.: “Именно в это время басня, казалось бы, совсем заглохшая в тиши риторических школ, вдруг оживает и в последний раз совершает торжественное шествие по античной литературе” (Гаспаров 1966: 265). Именно здесь Гаспаров и использует термин “(культурный) застой” в значении социально-исторического контекста демократического жанра, выродившегося в лишенный гражданской силы и энергии эзопов язык образованной элиты:

Античный мир вступал в последнюю фазу своего духовного развития. Это было время подведения итогов и начинающегося культурного застоя. В Риме утвердилась императорская власть. *Политическое красноречие умолкло и сменилось красноречием парадным, торжественным – цветистым, пышным, стремящимся не убедить, а поразить и развлечь слушателя. Философские искания утихли, и на смену им пришла популяризация достигнутого – короткие доходчивые*

проповеди и трактаты, приспособленные к идеям и вкусам широкой публики, образованной и необразованной. (Гаспаров 1966: 265)

Иначе говоря, эзопов язык, по Гаспарову, является голосом начинающейся эпохи застоя, предшествующего, в свою очередь, упадку великой культуры.

Тема политической и культурной деградации Рима занимает важное место в работах филолога в 1970–1980-е годы. Так, в статье *Греческая и римская литература II–III веков н.э.*, написанной для первого тома *Истории всемирной литературы* (М.: Наука, 1983), Гаспаров пишет о “быстро начинавшемся упадке” римской цивилизации: “Внешнее благоденствие империи в середине II века было бесспорным. Царил ‘римский мир’: завоевательные войны приостановились, оборонительные еще начались [...] Однако уже во II веке н.э. отчетливо начинают проступать признаки внутреннего упадка античного общества”. Этот упадок нашел выражение “в пессимизме, эсхатологии и мистике”, отличавших поздних римских авторов (в основе басенного сознания, по Гаспаро-

ву, лежит представление о том, что “в мире царит зло”). Очевидно, что исследователь вписывал стадию застоя, отличавшуюся особым типом литературного сознания и излюбленными жанрами, в общую социально-историческую динамику развития культуры: “периоды расцвета полисного строя (при Эсхиле и Софокле) и больших государств (при Каллимахе и Вергилии) рождали литературу совсем иную, чем периоды кризиса и упадка” (Гаспаров 1983: 303–312).

Выражал ли “римский цикл” (точнее, античный цикл) статей Гаспарова рубежа 1960–1970-х годов, рассчитанных на интеллигентную читательскую публику, его размышления о современном советском обществе? Мы полагаем, что выражал, хотя не так прямолинейно и явно не в том значении, которое в нем находили советские интеллигенты, среди которых, по воспоминаниям современника, были умельцы, которые “читали передовую в *Правде* так, что она приобретала похабный смысл”¹³. Свое отношение к исторической аллюзионности Гаспаров выразил в одной из

¹³ Комментарий А. Гениса, напомнившего нам в частном письме о том, что Гегель называл басню “рабским жанром”.

статей об античной басне: “недопустимо выискивать ‘скрытый смысл’” в текстах, не содержащих “никаких прямых или косвенных намеков на наличие такового”, ибо древний баснописец мог быть так же далек от мысли об этих применениях, как и от мысли о Франко-Прусской войне (Гаспаров 1971: 171).

Между тем само обращение исследователя к вопросу об осторожном эзоповом языке профессиональных риториков и обывательской дидактической морали в контексте событий 1966–1968 годов является, на наш взгляд, символичным. К этому вопросу мы вернемся в последнем разделе нашей статьи. Сейчас же заметим, что критика (на наш взгляд, чересчур жесткая и недифференцированная) Гринфельд “кухонной” солипсистской российской элиты 60–80-х годов во многом оказывается созвучной размышлениям Гаспарова об интеллигенции как “отводке европейской культуры”, “пересаженном на русскую казарменную почву” и выполняющем “роль хранителя и распорядителя” западных ценностей “при покровитель-

ственной власти” (Гаспаров 1999: 25)¹⁴.

*Эзопов комплекс*¹⁵

В 1970–1980-е годы псевдо-типологическая параллель “Рим упадка – СССР” (наследница прежних аналогий Москвы с Римом) бродила в самых разных умах и поэтических фантазиях и, соответ-

---

¹⁴ “Может быть, общественную роль интеллигенции, – пишет Гаспаров, – стоило бы определить не словом ‘оппозиционность’, а более широким: ‘авангард, разведка, эксперимент’? Будучи шире образованной, более динамичной, менее закоснелой в традиционном мышлении, она выступает на первый план в те моменты, когда общество оказывается в непривычной критической ситуации, и реакции накопленного массового опыта не срабатывают” (Гаспаров 1999: 27). Как справедливо пишет К. А. Осповат, “вопреки устойчивой репутации Гаспарова как образцового носителя эскапистски-антикварного научного этоса, его высказывания о политике филологии с перестроечных времен и до его смерти в 2005 году, объединенные в сборнике 2012 года, настаивают на актуальных функциях гуманитарного знания” (Осповат в печати).

¹⁵ Выражение “эзопов комплекс” вошло в оборот в начале 1990-х годов (Н.А. Шайкенов, Борис Петров, Андрей Поляков). В интересующем нас смысле термин используется Ириной Каспэ в статье *Смысл (частной) жизни, или Почему мы читаем Стругацких?* (Каспэ 2007: 202–231).

ственно, могла облегчить вчитывание публикой актуально-политического смысла в филологические статьи Гаспарова из популярных у советской интеллигенции *Литературных памятников*. (Отметим, что сам Гаспаров еще в 1962 году сочинил аллюзионное сатирическое стихотворение “Калигула”, которое предал огласке лишь в 1990 году¹⁶). Иосиф Бродский, как известно, признавался, что том Горация (тот самый, что начинался статьей Гаспарова) был его настольной книгой (эссе *Письмо Горацию*). Римская тема в его произведениях вышивалась по канве гаспаровских переводов и интерпретаций имперской культуры как “конца прекрасной эпохи” (*Письма к римскому другу*, пьеса *Мрамор*, *Римские элегии* и др.)¹⁷. По признанию Алек-

сандра Гениса, благодаря статье Гаспарова Гораций стал его любимым римским поэтом. “Римская аналогия” в качестве средства “оппозиционного просвещения” (термин Якова Гордина) проникла, как показала Марина Балина, и в советскую детскую литературу (Balina 2007: 323–353).

О том, как приятно было русскому интеллигенту-гуманитарию (вослед за романтиками начала 1830-х годов, либертенем Федором Карамазовым¹⁸ и декадентами конца XIX века) осознавать себя “вписанным” в римскую историю периода ее заката, едва ли не красноречивее всего свидетельствует известная “песенка” Булата Окуджавы 1982 года, пародирующая гипертрофированное аллюзионное восприятие чуткими читателями того времени “древнеримской темы”:

Римская империя времени
упадка

¹⁶ Первая строфа: “Пришел веселый месяц май, / Над нами правит цезарь Гай, / А мы, любуясь Гаем, / Тиберия ругаем” (Гаспаров 1990). Благодарю Илью Кукулина за указание на этот текст.

¹⁷ О притягательности имперской истории для Бродского пишет Санна Турома в главе *Путеводитель по имперским мифологиям*. Ленинград: “В стихах, написанных до отъезда из Советского Союза, он часто обращается к историческим реалиям имперского Рима, создавая сатирические описания советской жизни, как,

например, в ‘Post Aetatem Nostram’ (1970)” (Турома 2021: 95).

¹⁸ Федор Карамазов, как известно, гордился своим аристократическим носом: “Настоящий римский, – говорил он, – вместе с кадыком настоящая физиономия древнего римского патриция времен упадка” (Достоевский 1976: 22).

сохраняла видимость
твёрдого порядка:
главный был на месте,
соратники рядом,
жизнь была прекрасна,
судя по докладам.

А критики скажут, что
слово “соратник” – не
римская деталь,
что эта ошибка всю пе-
сенку смысла лишает...

Может быть, может
быть, может, и не рим-
ская – не жаль.

Мне это совсем не меша-
ет, а даже меня возвыша-
ет.

Римляне империи вре-
мени упадка
ели, что достанут, напи-
вались гадко,
а с похмелья каждый на
рассол был падок, –
видимо, не знали, что у
них упадок.

А критики скажут, что
слово “рассол”, мол, не
римская деталь,
что эта ошибка всю пе-
сенку смысла лишает...

Может быть, может
быть, может и не рим-
ская – не жаль.

Мне это совсем не меша-
ет, а даже меня возвыша-
ет.

Юношам империи вре-
мени упадка

снились постоянно то
скатка, то схватка,
то они в атаке, то они в
окопе,
то в Афганистане, а то и
в Европе.

А критики скажут, что
“скатка”, представьте, не
римская деталь,
что эта ошибка всю пе-
сенку смысла лишает...

Может быть, может
быть, может, и не рим-
ская – не жаль.

Мне это совсем не меша-
ет, а даже меня возвыша-
ет.

Римлянкам империи
времени упадка,
только им, красавицам,
доставалось сладко –
все пути открыты перед
ихним взором:
хочешь – на работу, а хо-
чешь – на форум.

А критики хором: “Ах,
форум! Ах, форум! – вот
римская деталь!

Одно лишь словечко – а
песенку как украшает!..”

Может быть, может
быть, может быть, и
римская – а жаль:

мне это немного мешает
и замысел мой разруша-
ет. (Окуджава 2001: 362–
363)

Исследовательница темы Древнего Рима в позднесоветской культуре, названной одним остроумным филологом “ампиrom во время чумы”, посвятила несколько страниц этому стихотворению Окуджавы (Александрова 2020: 43–174)¹⁹. В ее интерпретации, поэт обозначил в песне “тот предел существования традиции, на котором художник перестает полагать язык аллюзий полноценным способом гражданского высказывания”, и сумел “прервать дурную бесконечность исторических повторений” (Александрова 2020: 165). “Римскую империю” она рассматривает как ироническую реплику в поэтическом диалоге Окуджавы с Давидом Самойловым, автором “Рема и Ромула”, – “жестом ‘асимметричным’, но солидарным” (там же). В то же время нарочито прозаический, научно-цитатный характер песенки Окуджавы указывает на ее более прозаические (точнее, научно-публицистические и, как мы увидим далее, политические) источники – устояв-

шиеся к началу 80-х годов идеологические формулы или мемы.

Действительно, уже первая строка песни Окуджавы обгрызает не только начало известного “декадентского” сонета Поля Верлена “Томление” (в переводе Валерия Брюсова – “Я – римский мир периода упадка”²⁰), но и клише 1970-х годов, используемое оппозиционно настроенной интеллигенцией по отношению к СССР “периода развитого социализма”, а советскими пропагандистами – по отношению к “разлагающимся” Соединенным Штатам Америки. Сравните в книге киноведа Елены Карцевой *Массовая культура в США и проблема личности* (1974):

Римская империя периода упадка пошла еще дальше по этому пути, ее искусство зачастую уже просто показывало “натуру”: эротические сцены или подлинные кровавые сражения гладиаторов со львами. Сразу же возникает историческая параллель, ибо

¹⁹ Римской теме в русской литературе посвящена книга Джудит Калб (Kalb 2008), в которой выражается благодарность М. Л. Гаспарову за ценные замечания и советы. Филологические работы ученого о древнеримской поэзии в этой книге не упоминаются.

²⁰ Владимир Марков включил этот перевод в сборник *Приглушенные голоса: поэзия за железным занавесом*, вышедший в Нью-Йорке в 1952 году (Марков 1952: 404).

современное американское искусство во многом повторяет этот путь: от натурализма “массовой культуры” к реальной сиюминутности “хэппенингов” и непосредственности телевизионных зрелищ. Недаром в трудах, посвященных самым разным сторонам жизни страны, в том числе и культуре, США сейчас все чаще и чаще сравниваются с гибнущей Римской империей. (Карцева 1974: 187)

Еще один пример этого выражения по отношению к загнивающему Западу²¹ находим в шестом номере журнала *Иностранная литература* за 1975 год – в переводе культового романа Ирвина Шоу “Вечер в Византии” (пер. с английского К. Чугунова): “Все бьют посуду, пляшут голышом на столах и устраивают оргии в плавательных бассейнах. *Римская империя периода упадка*”. (Шоу 1975: 181)

Известный советский разведчик и журналист Эрнст Генри

---

²¹ См. генеалогию этого популярного мема в работе А. А. Долинина (Долинин: 26–76).

также проводил параллель между Римом периода упадка и США:

весь вопрос в том, в какой стадии своего исторического пути находится эта империя. В стадии расцвета и дальнейшего подъема? В стадии застоя? Или в стадии упадка, как когда-то, с III века, могучая Римская империя? Вот о чем приходится прежде всего спрашивать через 200 лет после образования североамериканской республики. (Генри 1976: 379)

Иначе говоря, Окуджава не только пародирует “римскую” аллегорическую традицию позднесоветской литературы, отталкивавшуюся, в интерпретации Гринфельд, от авторитетных филологических работ Гаспарова о древнеримском обществе, но и комически сталкивает эту традицию с советской пропагандистской риторикой: Рим в упадке – это не своя советская власть и не чужая Америка, а мы, хорошие русские интеллигенты с возвышающими нас в наших же глазах псевдо-историческими самообманами. Как писал Лев Лосев, “внутренним содержа-

нием эзоповского произведения является катарсис, переживаемый читателем как победа над репрессивной властью” (цит. по: Вайль, Генис 1998: 166), – победа, разумеется, воображаемая и мимолетная, как Анна Петровна Керн для Пушкина.

Фига и бревно

Итак, предсказал ли М. Л. Гаспаров в своих работах об античной культуре эпоху застоя в СССР? Чтобы ответить на этот вопрос, нам следует сперва вернуться к образу и теме культурной стагнации в его статье об Эзопе. Разумеется, самого слова “застой” он не выдумал (как не придумал его, вопреки утверждению англоязычной Википедии, и М. С. Горбачев для обозначения экономической и социальной ситуации в СССР с середины брежневского правления до перестройки). Синонимичные периоду (времени) упадка” выражения “эпоха застоя” и “период застоя” хорошо известны с XIX века. Так, в книге Фердинанда Грегоровиуса *Рим при последних императорах* (пер. с нем. В. И. Савина) читаем, что, достигнув в начале IV века “предела, за которым начинаются застой и ста-

рость”, вечный город “благодаря величию своему, пребыл почти целых два столетия в состоянии долгого и едва заметного перехода к упадку” (Грегоровиус 1888: 13).

Применялся этот термин и к российской культурной истории. Врач и общественный деятель второй половины XIX века Н. А. Белоголовый вспоминал о русском обществе 1840–50-х годов:

Тяжелое время застоя, неприязнь правительства к рассадникам высшего образования и насильственное разобщение их с всемирной наукой, – все эти условия какими отличалась описываемая эпоха, не могли благоприятствовать надлежащему у нас росту и процветанию науки и порождали и в московском университете много темных и печальных сторон, которые выражались несоответствием большинства профессоров своему высокому назначению, их невежественною отсталостью в преподавании своего предмета и неизбежною вследствие того узкостью их взглядов, придававших живой науке вид

такой мертвой и законченной схоластики, что, казалось, все доступное человеческому уму уже достигнуто и завершено, и что свежим силам дальше идти некуда и работать не над чем. Таким преподаванием подрывалось самое существенное назначение университета. (Белоголовый 1898: 283)

В *Критических этюдах по русской литературе* 1888 года К. К. Арсеньев назвал современный исторический период “эпохой застоя, внешней войны и внутренней смуты” (Арсеньев 1888: 97). Наконец, сам Гаспаров включает в *Записки и выписки* для иллюстрации понятия “застой” цитату из лекций В. О. Ключевского, явно проецируемой на конец прекрасной советской эпохи: “Старые бедствия устранялись, но новые блага чувствовались слабо. Общество было довольно покоем, но порядок ветшал и портился, не обновляемый и не довершаемый. Делаам предоставляли идти, как они заведены были, мало думая о новых потребностях и условиях. Часы заводились, но не проверялись”. Угадайте, о каком это веке? (Гаспаров 2000: 242).

Речь у Ключевского идет о царствовании Елизаветы Петровны (1741–1761). Причем далее историк дает выразительную картину елизаветинского общества, созвучную, как мы полагаем, гаспаровской интерпретации римского и советского застоев:

Власть без ясного сознания своих задач и пределов и с поколебленным авторитетом, с оскудевшими материальными и нравственными средствами, общественное мнение, питавшееся анекдотами и пересудами, без чувства личного и национального достоинства, весь порядок, державшийся страхом и произволом и направляемый, по выражению Н. Панина, “более силою персон, нежели властью мест государственных”, при крайне низком уровне гражданского чувства и сознания общего интереса, без любви к отечеству. (Ключевский 1918: 345)

Добавим, что в эстетическом, социологическом, экономическом и политическом смысле термины эпоха или период застоя широко использовались

учеными, писателями и публицистами и после революции, очень часто как марксистская характеристика “периода умирающего капитализма” (есть эти термины, например, в русском переводе Маркса, в интерпретации марксизма Каутским и в книге *Из психологии общества* Александра Богданова). По отношению к Советскому Союзу, насколько мы знаем, они стали использоваться только с конца 1960-х годов. Одно из первых употреблений слова “застой” в социально-нравственном смысле мы встречаем в программной работе академика А. Д. Сахарова *Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе* (1968), в которой мертвой советской общественной мысли противопоставляется дух свободной дискуссии, отличавший философов Древней Греции:

Ничто так не угрожает свободе личности и смыслу жизни, как война, нищета, террор. Однако существуют и очень серьезные косвенные, лишь немногим более отдаленные опасности. Одна из этих опасностей – *оболванивание челове-*

ка. А. Солженицын, Г. Владимов, Г. Свирский и другие писатели, выступающие на ту же тему, ярко показали, как некомпетентность и цензура убивают в зародыше живую душу советской литературы; но ведь то же самое относится и ко всем проявлениям общественной мысли, *вызывая застой, серость, полное отсутствие каких-то свежих и глубоких мыслей.* Ведь глубокие мысли появляются только в дискуссии, при наличии возражений, только при потенциальной возможности высказать не только верные, но и сомнительные идеи. *Это было ясно еще философам Древней Греции,* и едва ли кто-нибудь сейчас в этом сомневается. Но после 50 лет безраздельного господства над умами целой страны наше руководство, похоже, боится даже намек на такую дискуссию. (Сахаров 1974: 42)

В другой статье Сахаров писал об “угрожающих признаках разлада и застоя” в советском обществе (Сахаров 1973: 100). В середине 1970-х годов этот

термин используют также советские пропагандисты в полемике с диссидентами и западными советологами как кальку с английского “stagnation”. Например: “Если верить буржуазной пропаганде, то советская экономика переживает ‘застой’, Советский Союз якобы стал ‘отставать от Запада’”. (АП 1977: ш)

Мы полагаем, что политическая аллюзия в статье Гаспарова о баснях Эзопа проявилась (без ведома ее автора) именно в 1970-е годы, когда аллюзионное письмо, как показал в своей диссертации *Эзопов язык в современной русской литературе* (1984) Лев Лосев, стало *lingua franca* советской интеллигенции, противопоставившей крамольные исторические намеки советским пропагандистским “параллелям”. Можно сказать, что в это время марксистская политико-экономическая концепция истории скрестилась с восходящей к Шарлю Монтескье (*Les considérations sur les causes de la grandeur et de la décadence des Romains*, 1734) и Эдуарду Гиббону (*History of the Decline and Fall of the Roman Empire*, 1776–88) историко-моралистической типо-

логией (Рим эпохи упадка)²². Тогда же, видимо, и сформировалась донесенная Гринфельд легенда о том, что в оборот тему советского застоя пустил далекий от политики филолог-классик.

Замечательно, что в более поздней статье американской исследовательницы русского происхождения говорится о том, что сам Гаспаров не знал, какое влияние он оказал на советскую интеллигенцию своей работой о Горации, и удивился, когда ему об этом сказали (“*when told of it, was surprised*”). Соблазнительно предположить, что именно Гринфельд и задала этот вопрос Гаспарову, а он, как это ему было свойственно, улыбнувшись, ушел от прямого ответа.

В свою очередь, как мы видели, в стэнфордском письме к Наталии Автономовой Михаил Леонович с некоторым эзоповским лукавством (внешней формы проявления глубокой филологической иронии) признается, что не может вспомнить, он ли пустил в оборот термин застой или не он, но при этом скромно добавляет, что вполне воз-

---

²² Об истории истолкований термина в русской культуре см.: (Мильчина 2023: 13–35).

можно, что и он, “потому что больно уж прост термин”. Скромность его понятна, ведь для историка античного Рима термины упадка и застоя действительно лежат на поверхности и легко применимы к любому периоду социально-экономико-моральной стагнации.

В то же время смысл пассажа о Риме времен застоя в статьях Гаспарова о баснях Эзопа в культуре поздней империи заключался не в прямолинейном политическом намеке на деградацию советской власти, как думали его интеллигентные (по)читатели, по наблюдению американского социолога, а в историко-филологической и социально-этической интерпретации “эзопова языка” как симптома глубокого кризиса культуры и интеллигентного общества того баснословного времени, на которое он смотрел из сумеречной позднесоветской эпохи, когда “общественное мнение”, “мало думая о новых потребностях и условиях”, питалось, как римляне и римлянки периода упадка и нынешние фейсбучные комментаторы, анекдотами, пересудами и перепбранками:

От той напряженности политической и философской мысли, которая когда-то в IV в. до н. э. вытеснила басню из “высокой литературы”, не осталось ничего. Басня могла вернуться в умы и на уста людей. Ораторы рады были занимательным рассказом расцветить свои разлагольствования. Философы рады были живой сценкой проиллюстрировать свои нравственные поучения. И басня находит гостеприимный прием на страницах и у тех и у других. [...] После “греческого возрождения”, после политического и духовного кризиса III в. н. э. античная культура быстро катится к упадку. (Гаспаров 1968: 265)

Впрочем, в соответствии с социо-культурной концепцией Лии Гринфельд начала 1990-х годов, советский интеллигент эпохи застоя в последней фразе, скорее всего, видел фигу в кармане, а не бревно в собственном глазу.

Библиография

Balina 2007: Balina, Marina. 2007. 'Ancient Rome for Little Comrades: The Legacy of Classical Antiquity in Soviet Children's Literature' in: *The Sites of Rome: Times, Space and Memory* (Oxford: Oxford UP), 323–353

Greenfeld 1992: Greenfeld, Liah. 1992. 'Kitchen Debate: Russia's anti-democratic intellectuals', *The New Republic*, September

Greenfeld 1992a: Greenfeld, Liah. 1992. 'The End of the Russian Revolution', *The National Council for Soviet and East European Research* (Washington D.C.), < <https://www.ucis.pitt.edu/nceer/1992-806-27-Greenfeld.pdf> > [последнее посещение: 1 января 2024 г.]”

Greenfeld 1993. Greenfeld, Liah. 1993. 'The Scythian Rome: Russia' в: *Comparative Societal Analysis Workshop "The Empire Strikes Out: The Breakup of Colonial Empires and State Socialist Politics"* (Ithaca: Cornell University), 189–274

Greenfeld 1995: Greenfeld, Liah, 'Russian Nationalism as a Medium of Revolution: An Exercise in Historical Sociology,' *Qualitative Sociology*, 18 (2), 189–209

Kalb 2008: Kalb, Judith E. *Russia's Rome: Imperial Visions, Messianic Dreams, 1890–1940* (Madison: University of Wisconsin Press)

АП 1977: *Актуальные проблемы современной идеологической борьбы*. 1977 (Москва: Политиздат)

Александрова 2020: Александрова, Мария. 2020. 'Древний Рим в контексте позднесоветской культуры. Три "исторических" стихотворения', *Russian Literature*, 11–112, 143–174

Арсеньев 1888: Арсеньев, Константин. 1888. *Критические этюды по русской литературе*, т. 1 (Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича)

Белоголовый 1898: Белоголовый, Николай. 1898. *Воспоминания и другая статья* (Санкт-Петербург: Типо-лит. К. Ф. Александрова)

Берелович 2005: Берелович, Алексей. 2005. 'О культе личности и его последствиях. (Заметки о позднесоветском интеллектуальном сообществе)', *Новое литературное обозрение*, 6(76), 39–44

Вайль, Генис 1998: Вайль Петр, Генис Александр. 1998. *60-е Мир советского человека* (Москва: Новое литературное обозрение)

Гаспаров 1968: Гаспаров, Михаил. 1968. 'Жизнеописание Эзопа' в: *Басни Эзопа*. Перевод, статья и комментарии М. Гаспарова (Москва: Наука), 7–62

Гаспаров 1970: Гаспаров, Михаил. 1970. 'Поэзия Горация' в: Гораций. *Оды. Эподы. Сатиры. Послания* (Москва: Художественная литература), 5–38

Гаспаров 1971: Гаспаров, Михаил. 1971. *Античная литературная басня: (Федр и Барбий)* (Москва: Наука)

Гаспаров 1978: Гаспаров, Михаил. 1978. 'Гаспаров. Овидий в изгнании' в: *Овидий. Скорбные элегии. Письма с Понта* (Москва: Наука), 189–224

Гаспаров 1983: Гаспаров, Михаил. 1983. 'Греческая и римская литература II–III вв. н. э. Эпоха и культура' в: *История всемирной литературы*: в 8 т., I (Москва: Наука)

Гаспаров 1990: Гаспаров, Михаил. 1990. 'Калигула' в: *Alma Mater*, апрель, 2 (Tartu)

Гаспаров 1999: Гаспаров, Михаил. 1999. 'Русская интеллигенция как отводок европейской культуры' в: *Россия/Russia. Новая серия. Вып. 2: Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология. Материалы международной конференции* (Москва, Венеция: О.Г.И.)

Гаспаров 2000: Гаспаров, Михаил. 2000. *Записи и выписки* (Москва: Новое литературное обозрение)

Гаспаров 2006: Гаспаров, Михаил. 2006. *Стих, язык, поэзия: памяти Михаила Леоновича Гаспарова* (Москва: Российский государственный гуманитарный университет)

Гаспаров 2008: Гаспаров, Михаил. 2008. *Ваш М. Г. (Из писем М. Л. Гаспарова)* (Москва: Новое издательство)

Генри 1976: Генри, Эрнст. 1976. *Новые заметки по истории современности* (Москва: Наука)

Грегоровиус 1888: Грегоровиус, Фердинанд. 1888. *История города Рима в Средние века в средние века*, I (Сант-Петербург: Тип. Департаментов Уделов)

Долинин 2010: Долинин, Александр. 2010. 'Гибель Запада. К истории одного стойкого верования' в: *К истории идей на Западе: "Русская идея"* (Санкт-Петербург: Издательство Пушкинского Дома, Издательский дом "Петрополис")

Достоевский 1976: Достоевский, Федор. 1976. *Полное собрание сочинений в 30 т., XIV*, (Ленинград: Наука)

Карцева 1974: Карцева, Елена. 1974. *"Массовая культура" в США и проблема личности* (Москва: Наука)

Каспэ 2007: Каспэ, Ирина. 2007. 'Смысл (частной) жизни, или Почему мы читаем Стругацких?', *Новое литературное обозрение*, 6(88), 202–231

Ключевский 1918: Ключевский, Василий. 1918. *Очерки и речи. Второй сборник статей* (Петроград: Литературно-издательский отдел Комиссариата народного просвещения).

Кустарев 2007: Кустарев, Александр. 2007. 'Золотые 1970-е – ностальгия и реабилитация' в: *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*, 2 (52), 6–12

Марков 1952: [Марков, Владимир.]. 1952. *Приглушенные голоса: поэзия за железным занавесом* (Нью-Йорк: Издательство имени Чехова)

Мильчина 2023: Мильчина, Вера. 2023. 'Декаданс или упадок? О переводе одного французского слова', *Вопросы литературы*, 2, 13–35

Окуджава 2001: Окуджава, Булат. 2001. *Стихотворения* (Санкт Петербург: Академический проект)

Осповат в печати: Осповат, Кирилл. 2023. *Руины: русская филология ввиду Мариуполя* (в печати)

Сахаров 1973: Сахаров, Андрей. 1973. *Сахаров в борьбе за мир* (Франкфурт-на-Майне: Посев)

Троцкий 1924: Троцкий, Лев. 1924. *Пять лет Коминтерна* (Москва: Государственное издательство)

Турома 2021: Турома, Санна. 2021. *Бродский за границей: Империя, туризм, ностальгия* (Москва: Новое литературное обозрение)

Эрнст 1976: Эрнст, Генри. 1976. *Новые заметки по истории современности* (Москва: Наука)

Утченко 1965: Утченко, Сергей. 1965. *Кризис и падение Римской республики* (Москва: Наука).

Шоу 1975: Шоу, Ирвин. 1975. *Вечер в Византии* (пер. с английского К. Чугунова), *Иностранная литература*, 9, 98–196

Шубин 2007: Шубин, Александр. 2007. 'СССР в апогее: как мы жили', *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*, 2(52), 13–35

Яницкий 2007: Яницкий, Олег. 2007. 'Длинные 1970-е: гражданское общество тогда и сейчас', *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*, 2(52), 36–52

